

Александра Анненская

Анна

Александра Анненская
Анна

«Public Domain»

1881

Анненская А. Н.

Анна / А. Н. Анненская — «Public Domain», 1881

«Село Опухтино вытянулось почти правильным рядом почерневших и покосившихся от времени изб на берегу речки, превращавшейся каждую весну в широкую, бурливую реку и казавшейся летом маленьким ручейком, тихо журчавшим на дне широкого оврага. От реки деревня отделялась широкой улицей, пыльной во время засухи и страшно грязной во время дождей, да нешироким лугом, который весной был обыкновенно залит водой, в июне пестрел красными, желтыми и лиловыми цветами, а к концу лета покрывался копнами душистого сена...»

Содержание

Глава I	5
Глава II	9
Глава III	15
Глава IV	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Александра Никитична Анненская

Анна

Глава I

Село Опухтино вытянулось почти правильным рядом почерневших и покосившихся от времени изб на берегу речки, превращавшейся каждую весну в широкую, бурливую реку и казавшейся летом маленьким ручейком, тихо журчавшим на дне широкого оврага. От реки деревня отделялась широкой улицей, пыльной во время засухи и страшно грязной во время дождей, да нешироким лугом, который весной был обыкновенно залит водой, в июне пестрел красными, желтыми и лиловыми цветами, а к концу лета покрывался копнами душистого сена.

С одной стороны деревни возвышалась старая деревянная церковь с невысокою, несколько покосившеюся от времени колокольнею, с другой – стоял небольшой домик, своей постройкой отличавшийся от сельских изб. Он отделялся от остальной деревни огородом, засаженным капустой, луком, морковью и репой; перед окнами его разведен был маленький цветник, а сзади к нему примыкал огромный запущенный сад, с длинными, темными аллеями лип, тополей и кленов, с развалившимися беседками и мостиками, с искусственно-насаженными рощницами, до половины скрывавшими когда-то великолепный барский дом, пришедший теперь в полное запустение.

В одно августовское утро, когда солнце только что выглянуло из-за горизонта и не успело обогреть землю своими лучами, девочка лет десяти осторожно отворила дверь домика и быстрыми шагами направилась к калитке, которая из цветника вела на улицу деревни.

– Аня, Анюточка, куда это ты? – раздался за ней старушечий голос. Одно из окон домика отворилось, и из него выглянула седая голова.

– А я, бабинька, в лес, за черникой, – ответила девочка, подбегая к окну, – нас много ребят идет!

– Ну, иди себе с богом! Да ты покушала ли чего-нибудь?

– Как же, бабинька! Я ходила с няней доить Машку и выпила парного молока, и няня мне дала лепешки с творогом: я половину съела, а половину с собой взяла.

Девочка приподняла кузовок и показала большой кусок ржаной лепешки с творогом, лежавший на дне его. Старушка добродушно усмехнулась, а Аня, боясь дальнейших расспросов, пустилась со всех ног бежать по аллейке цветничка и затем по улице деревни к большому камню, у которого дети назначили сборный пункт перед отправлением в лес. Три мальчика и две девочки уже сидели подле камня, поджидая остальных, и минут через десять после прихода Ани вся компания, состоявшая человек из пятнадцати деревенских детей, оказалась в сборе.

Лес расстилался на противоположном деревни берегу реки. Дети перебежали мост, перекинутый против церкви, и с веселым смехом разбрелись по густой темной чаще, едва освещенной косыми лучами солнца. Черники в лесу оказалось много, но кузовки наполнялись довольно медленно. Во-первых, каждому хотелось отложить часть – и значительную часть – ягод в рот; во-вторых, в лесу, кроме ягод, было много удовольствий. Мальчики влезали на верхушки деревьев, девочки прятались в кусты, все собирали еловые шишки и бросали их друг в друга; кто-нибудь открывал белочку, притаившуюся в ветвях; нужно было спугнуть ее, чтобы полюбоваться ее ловкими прыжками, и потом проследить, куда она денется; другой находил ежа, свернувшегося колючим клубком в траве, – его также нельзя было оставить без внимания. А птичьи гнезда! Как же не исследовать, не найдется ли в котором-нибудь из них запоздалых яичек или неоперившихся птенцов? Все это отнимало немало времени, и солнце поднялось уже довольно высоко, когда один из старших мальчиков заметил, что пора по домам, а то, пожалуй, тятка

приколотит: зачем баловался так долго, дела не делал. Большинство детей согласилось со справедливостью этого замечания, и вся ватага направилась к выходу из леса. Когда они подошли к дороге, пересекавшей лес, мимо них промчалась на четверке красивых лошадей коляска, в которой сидело семейство одного из соседских помещиков.

– Ишь как важно едут! – заметил мальчуган, следивший глазами за экипажем, засунув пальцы в рот.

– Господа всегда так ездят, – отозвалась одна из девочек. – Вот Аня – барышня, и она, как вырастет, тоже так будет ездить!

– Неправда, я не барышня! – вскричала Аня, вспыхнув. – Я девочка такая же, как ты!

– Совсем не такая! Мы вон босиком ходим, а ты в чулках да в башмаках – как есть барышня!

– Я надела башмаки, потому что бабушка велела, я их терпеть не могу; когда я буду большая, я всегда буду ходить босиком!

Девочка села на землю, быстро стащила с ног чулки и башмаки, бросила их в траву и, догоняя подруг, с торжеством заявила, показывая им свои босые ноги:

– Вот я теперь и совсем как вы.

Действительно, между Аней и остальными деревенскими девочками разница была небольшая. Лицо Ани было покрыто таким же густым слоем загара, как и лица ее подруг, руки ее были не менее черны и грубы, волосы ее были так же растрепаны, а одежда ее состояла, так же как и их одежда, из толстой холстинной рубашки и холстинного же сарафана. Правда, утром, когда девочка уходила из дому, и сарафан, и рубашка ее были совершенно чисты; но она так усердно валялась по траве, пролезала через кусты и садилась на мокрую землю, что чистота эта почти совершенно исчезла.

Дети вышли из леса почти прямо против домика, где жила Аня. Чтобы добраться до моста, им нужно было вернуться назад и пройти с полверсты берегом реки.

– Эка даль какой! – вскричала Аня. – Мне-то особенно! Потом ведь надо будет опять всю деревню пройти! Чего там мост! Я лучше прямо через реку.

Смелая девочка бегом спустилась по крутому берегу реки, подняла выше колена сарафан, чтобы не замочить его, и, не задумавшись ни на секунду, вошла в холодную воду.

За лето речка сильно пересохла. Аня ловко перепрыгивала с камешка на камешек, разбрасывая вокруг себя серебристые брызги и весело вскрикивая, когда вода покрывала ножки ее чуть не до колен. Остальные дети сначала призадумались немного, но пример заразителен: мало-помалу все они точно так же вскочили в воду. Старшие девочки помогали младшим братишкам и сестренкам; шалуны толкали и обливали друг друга водой; боязливые вскрикивания трусливых покрывались громким смехом и шутками всех остальных. Переправа совершилась совершенно благополучно. Аня первая выскочила на берег, наскоро вытерла об траву ноги и пустилась бежать к домику, у дверей которого уже стояла старушка-няня, поджидая проказницу.

– Няничка! – вскричала девочка. – Смотри, сколько я черники набрала! Ты мне спечешь сладенькую ватрушку? Спечешь?

– Ну, черники-то тут не больно много, – заметила няня, качая головой, – а где же твои чулки и башмаки?

– Ах, няня, я их оставила в лесу. Я говорила бабушке, что не буду носить их: девочки все меня дразнят, что я барышня, я не хочу быть барышней!

– Глупый ты, неразумный ребенок! – с ласковым упреком проговорила старушка. – Ну, иди скорей кушать: бабушка давно тебя ждет; смотри, рассердится она за башмаки-то!

Эта угроза, видимо, несколько не испугала Аню. Она весело вбежала в комнату, весело обняла бабушку, маленькую, седенькую старушку, одетую в темный ситцевый капот и белый кисейный чепчик, и весело начала рассказывать обо всем, что видела в лесу. Няня подала на

стол обед семьи, состоявший из молочной похлебки с картофелем и из вареного поросенка с хреном и сметаной, а сама села есть рядом со своей питомицей. Аня болтала без умолку, а обе старушки с радостной улыбкой смотрели на ее оживленное личико и на ее здоровый, чисто деревенский аппетит.

– Я, бабинька, теперь пойду в поле, – объявила девочка, окончив обед и захватив с собой большой кусок черного хлеба, густо намазанный сметаной.

– Иди себе, голубчик, гуляй на здоровье! – отвечала бабушка, провожая ее любящим взглядом.

Аня повернула в сторону, противоположную деревне, пошла вдоль полей, на которых торчали остатки желтых стебельков сжатой ржи, и по меже между двух нив дошла до небольшого пруда, в воде которого полоскалось целое стадо гусей и уток.

На берегу этого пруда, под тенью развесистой ивы, сидел мальчик лет одиннадцати, худенький и бледный, одетый чуть ли не в лохмотья.

– Ну что, Сеня, сделал ты мне? – бросилась к нему Аня.

– Да как же, сделаешь тут, – недовольным голосом ответил мальчик. – Вчера коршун утащил утенка: управляющий уж ругался, ругался, сказал, коли еще что с птицей случится, отошлет меня к отцу, а отец, сама знаешь, какой: до смерти исколотит!

– Экая досада! – грустным голосом проговорила Аня. – Ты и за тростником не ходил?

– Где уж тут ходить, не до того! Аня задумалась.

– А хочешь так, Сеня, – предложила она, – ты сходи за тростником, а я здесь посижу, постерегу птиц?

– Постережешь? – Сеня подозрительно поглядел на свою собеседницу. – А как не усмотришь?

– Усмотрю, Сеничка, голубчик! Помнишь, как ты тогда ходил за белкой, я же смотрела.

– Ну, пожалуй, я пойду, только коли что случится, я так на тебя и скажу. А хлеб ты мне свой отдай на дорогу: небось ты-то уж наелась!

Аня беспрекословно отдала мальчику свой кусок, от которого она успела уже отъесть почти половину, взяла его длинную хворостину и уселась так, чтобы видеть все вверенное ее попечению стадо и самым добросовестным образом исполнить взятую на себя роль.

Сеня, по-видимому, очень довольный выдумкой своей маленькой приятельницы, ушел, насвистывая какую-то песню и с наслаждением кусая Анин хлеб.

Часа два пришлось просидеть девочке на берегу пруда. Чтобы развлечь себя, она несколько раз перегоняла свое стадо с одного места на другое, бросала в воду кусочки травы и любовалась, как птицы ловили их, скликала к себе то утят, то гусят, и все-таки, в конце концов, нашла, что быть пастухом очень скучно и что Сеня ужасно долго пропадает.

Наконец он вернулся, неся в руках несколько палочек тростника, и лицо девочки засияло радостью. Маленький пастух уселся рядом с ней и принялся с помощью обломка ножа выделывать из тростника дудки. Ане давно уже сильно хотелось иметь этот музыкальный инструмент, а никто во всей деревне не сумел бы сделать его так искусно, как Сеня. Когда две дудки были готовы, друзья начали музыкальные упражнения, от которых всякий зажал бы себе уши, но которые доставляли им нескончаемое удовольствие. Наигравшись досыта и от души поблагодарив Сеню за его подарок, Аня побежала домой похвастаться бабушке своим искусством. Старушка работала в маленьком цветничке, обрезаю сухие листья и подвязывая молодые веточки растений. Надобно было полить цветы; Аня тотчас же схватила лейку и побежала к реке достать «самой свеженькой водицы». Чтобы полить весь садик, девочке пришлось раз пять прогуляться таким образом за водой, всякий раз поднимаясь по крутому берегу реки с тяжелой лейкой в руках, – но это несколько не утомило ее. Ее молодые силы требовали работы; поднимать тяжести, карабкаться на крутизну доставляло ей истинное удовольствие.

Отдохнув несколько минут за чаем, к которому няня приготовила для нее ватрушку с черникой, она опять убежала из дома на берег реки, где ее уже поджидали деревенские товарищи и подруги. Солнце клонилось к закату, дневные работы были кончены, и дети собирались на обычное место своих вечерних игр, на луг, тянувшийся между улицей и рекой. Сено с этого луга было уже скошено и убрано, засохшие стебельки травы несколько кололи босые ноги детей, но на такую мелкую неприятность никто не обращал внимания. Все были заняты шумной, веселой игрой «в разбойники»: одним надо было придумывать, как искуснее нападать, другим – как ловчее спастись от нападений. Аня, назначенная начальницей одного разбойничьего отряда, в пылу битвы толкнула девочку, изображавшую «проезжего», так, что бедняжка упала и получила себе большую шишку в лоб, а сама, за послушание воли главного атамана, была преболно выдрана им за волосы – но это нисколько не уменьшало ее веселья. На темном небе уже зажглись звезды, а смех и крики детей все еще не умолкали, пока наконец строгие матери не зазвали их в избы, пригрозив за непослушание розгой.

– Ой, как я устала, как спать хочется! – говорила Аня, опускаясь на крылечко своего дома.

Няня раздела полусонную девочку – и она почти не помнила, как очутилась в постельке; бабушка заботливо прикрыла ее чистенькой простыночкой и долго стояла над ней, любуясь на ее крепкий, спокойный сон.

– Сударыня, к вам письмо, – проговорила няня, осторожно отворяя дверь спальни. – Иван вернулся из города, привез.

Бабушка взяла конверт, надела очки, не торопясь, распечатала письмо и принялась читать его при свете одинокой свечки. Она читала долго и внимательно, как будто не совсем понимая содержание письма или не доверяя глазам своим.

Когда она кончила наконец чтение, руки ее дрожали, старческое лицо ее побледнело, и она в изнеможении опустила на близ стоящий стул.

Глава II

Анна Федоровна Карпова была дочерью священника и очень молодая вышла замуж за небогатого чиновника соседнего уездного городка. У нее было несколько человек детей, но все умирали очень скоро после рождения. Одна только дочь, самая младшая, осталась жива и росла на утешение отца и матери. Впрочем, отцу недолго пришлось радоваться на свою маленькую девочку; Саше еще не исполнилось и семи лет, как он заболел и вскоре умер. После смерти его Анне Федоровне пришлось самой работать, чтобы добывать необходимые средства к жизни для себя и ребенка. Она бодро принялась за труды – и вскоре самые богатые барыни города не давали шить свои платья и шляпки никому, кроме нее. Маленькая Саша не нуждалась ни в чем необходимом. Мать и единственная прислуга в доме, Матрена, нянчившая всех детей Анны Федоровны, посвящали ей всю свою жизнь. Самая хорошенькая комнатка в небольшой квартире была отдана в ее распоряжение; одета она была не хуже богатых девочек ее лет; когда ей пришло время учиться, Анна Федоровна отдала ее не в школу для детей бедных горожан, а во французский пансион, где она сидела рядом с дочерьми тех барынь, на которых работала ее мать. Желание Саши было законом для обеих женщин; чтобы доставить ей удовольствие, они готовы были целые ночи просиживать за работой. И девочка ценила эти заботы, эту любовь. Немножко избалованная, она иногда была капризна и требовательна; но стоило ей заметить, что ее капризы огорчают мать, – и на глазах ее тотчас же появлялись слезы раскаяния, и она всеми силами старалась загладить свой необдуманный поступок. Анна Федоровна и Матрена считали ее чудом красоты, ума и доброты. Она и в самом деле была добрая и неглупая девочка, хотя не отличалась никакими необыкновенными способностями; зато красота ее действительно обращала на себя общее внимание. Когда она, ребенком, весело припрыгивая, возвращалась из пансиона домой в сопровождении Матрены и легкий румянец играл на ее нежных беленьких щечках, а глаза ее ярко блестели и светились, встречавшиеся на дороге барыни не могли удержаться от восклицания: «Какая прелестная девочка!». Когда она – высокая, стройная девушка, с удивительно нежным цветом лица, глубокими темно-синими глазами и длинными, густыми, золотистыми волосами – гуляла с матерью в общественном городском саду, прохожие заглядывались на нее, и не раз приходилось ей краснеть, слыша восклицание: «Какая красавица!».

Саше только что исполнилось семнадцать лет, и она, окончив курс в пансионе, искала уроков, чтобы облегчить матери ее трудовую жизнь, когда в город приехал из Петербурга один очень богатый барин, помещик села Опухтина. Он где-то случайно увидел Сашу, и она с первого же раза необыкновенно понравилась ему. Он познакомился с Анной Федоровной и через несколько недель знакомства стал просить у нее руки ее дочери. Грустно было Анне Федоровне выдавать замуж дочь, которую она считала еще почти ребенком, и выдавать за человека мало-знакомое, который должен был увезти ее далеко, в Петербург, но Саша объявила, что будет несчастна всю жизнь, если мать не согласится на ее брак, и Анна Федоровна скрепя сердце дала свое согласие. Матвей Ильич – так звали жениха – отпраздновал свадьбу великолепнейшим образом, осыпал молодую жену свою самыми богатыми подарками и через три дня после венчания увез ее в Петербург, где она должна была начать совершенно новую для себя жизнь, среди роскоши и богатства.

Саша уговаривала было мать переехать к ней, жить в Петербурге, в ее доме, но Анна Федоровна и слышать об этом не хотела.

– Нет, милая моя, – решительным голосом сказала она, – пока я имею силы работать, я ни за что не соглашусь жить за счет твоего мужа. Да и зачем я с тобой поеду? Ты счастлива, я тебе не нужна; у тебя будут богатые знакомые, важные родные – что я стану делать среди них?

Ты знаешь, я женщина простая, малообразованная, к светскому обществу не привыкшая; еще тебе, пожалуй, пришлось бы краснеть за меня.

Саша в душе не могла не сознавать, что мать отчасти права, и не настаивала больше, тем более что и Матвей Ильич не выражал особенного желания жить вместе с тещей.

Пустыми и одинокими показались Анне Федоровне и Матрене комнатки их квартиры, когда они вернулись домой, проводив молодых. Вся жизнь их в течение десяти лет была посвящена Саше, трудам для нее, заботам об ее удобствах и удовольствиях – и вдруг теперь Саши нет... Для кого же жить? Для кого работать?

Несколько дней обе женщины были как потерянные: они не принимались ни за какое дело, не готовили для себя даже пищи. Анна Федоровна в сотый раз пересматривала все маленькие вещицы, принадлежавшие Саше и оставленные ею у матери; в сотый раз она и Матрена пересказывали друг другу разные мелкие происшествия из жизни их любимицы, хотя все эти происшествия давно были очень хорошо известны, обеим, им.

Но мало-помалу время сделало свое дело и несколько притупило их горе. Волосы Анны Федоровны поседели; она продолжала шить платья и шляпки для городских модниц, но работала менее усердно, чем прежде, отказывалась от спешных заказов и часто по целым часам сидела сложа руки, бесцельно глядя перед собой. Матрена исполняла по-прежнему должность кухарки, но она не придумывала каждый день какого-нибудь сладенького и в то же время дешёвенького кушанья; она перестала весело смеяться, распивая кофе с соседней прислугой, – она заметно сгорбилась, постарела. От Саши часто приходили письма: веселые, нежные письма, в которых она описывала свою счастливую жизнь с любимым мужем и уверяла, что для полноты счастья ей недостает только одного: чтобы дорогая мама и милая няня жили с ней. Можно себе представить, как радовали эти письма Анну Федоровну и Матрену! Анна Федоровна обыкновенно перечитывала их до тех пор, пока и она, и Матрена не знали их наизусть; затем они пересказывали их всем, кто сколько-нибудь интересовался Сашей, и вели между собой длинные разговоры и споры о значении каждой фразы, чуть ли не каждого слова драгоценного послания.

Так прошло четыре года после свадьбы Саши. Вдруг Анне Федоровне принесли письмо, написанное не рукою дочери. Она распечатала пакет, не предчувствуя беды, и чуть не упала в обморок, читая письмо. Оно было от Матвея Ильича. Он писал, что у него родилась дочь, но что жена его очень больна и беспрестанно зовет к себе мать; он посылал теще деньги на дорогу и умолял ее не медлить ни минуты. Анна Федоровна тотчас же собралась и в тот же день уехала в Петербург. Она нашла Сашу при смерти. Все в доме хлопотали около нее, а на новорожденную малютку мало обращали внимания; она казалась совсем слабой, хилой, и все решили, что ей не пережить матери. Несмотря на все свое горе при виде болезни дочери, Анна Федоровна почувствовала сострадание к бедной малютке, обреченной на смерть через несколько дней после рождения. Она взяла на свое попечение крошку, названную в честь ее Анной, и делила свои заботы между нею и Сашей. Через десять дней бедная молодая женщина умерла. Матвей Ильич был в отчаянии. Он рвал на себе волосы, проклинал докторов, не сумевших спасти от смерти его дорогую жену, отказывался видеть ребенка, делать какие-нибудь распоряжения. Горесть Анны Федоровны была едва ли не менее сильна, хотя выражалась менее резко. Навряд ли хватило бы у нее даже сил перенести страшный удар, если бы судьба не послала ей в утешение малютку Аню. Благодаря ее заботам, девочка, видимо, поправлялась, и опытный детский доктор, осмотрев ее, нашел, что за ее жизнь нечего больше бояться. Известие об этом мало обрадовало Матвея Ильича.

– Я не могу любить эту девочку, я не могу даже видеть ее, – сказал он Анне Федоровне, пришедшей сообщить ему слова доктора, – она слишком напоминает мне покойницу. Умоляю вас, окажите мне великое благодеяние: возьмите ребенка на свое попечение, живите с ним в Опухтине, тамошний воздух будет полезен, а вы любите деревню; денег берите у меня сколько хотите, только не заставляйте меня самого заботиться о девочке, это свыше сил моих.

Взять на свое попечение Аню! Да это было такое счастье, о котором Анна Федоровна не смела и мечтать.

Как только девочка была в состоянии перенести путешествие, она отправилась с ней в Опухтино. Матвей Ильич отдал приказание управляющему имением не жалеть денег для доставления всевозможных удобств его теще и дочери; но Анна Федоровна не потребовала больших расходов – ни для себя, ни для ребенка. Она никогда не жила, в богатстве и не имела даже понятия о том, как устроить свою жизнь роскошно. Ей казалось нелепым заставлять отделывать для себя запустелые комнаты большого барского дома, отделенного огромным садом от остального мира; она не видела никакой надобности набирать для себя толпы прислуги. Она поселилась вместе с Аней в небольшом флигеле, служившем в прежние времена жилищем главного садовника; выписала из города Матрену – помогать ей нянчиться с ребенком, а для грубой домашней работы наняла себе смирную деревенскую девушку.

Воздух Опухтина действительно оказался здоровым для Ани. Она росла толстеньким, живым, веселым ребенком, почти не страдая от обыкновенных детских болезней. Анна Федорович мечтала сначала сделать из нее такую же беленькую, нежную барышню, какою была Саша, но вскоре убедилась, что это невозможно. В два года Аня плакала около калитки сада и просилась на улицу к босоногим деревенским ребятишкам; в три года она пролезала между двумя перекладинами забора и, очутившись на улице деревни, ни за что не соглашалась вернуться в свой сад. Встревоженная Анна Федоровна просила Матрену не оставлять ребенка и всюду следовать за ним. Матрена два-три лета заботливо ходила за своей питомицей, но потом увидела, что труд этот ей не по силам, да и совершенно бесполезен: ей было не угнаться за резвой девочкой, бегавшей, скакавшей и лазавшей без устали целые дни; Аня перезнакомилась и передружилась со всеми детьми деревни; старшие девочки слегка присматривали за ней; она участвовала во всех играх и шалостях младших и училась у них остерегаться больших опасностей и мужественно переносить мелкие невзгоды вроде заноз, царапин и синяков. В первое время Анна Федоровна беспокоилась, когда девочка уходила на несколько часов из дома и даже из деревни, забиралась в лес или вместе со своими маленькими приятелями и приятельницами отправлялась на дальний сенокос – снести работавшим там крестьянам обед; но мало-помалу она привыкла к этим отлучкам. Аня возвращалась домой такая веселая, довольная, с таким здоровым румянцем на щеках и с таким славным аппетитом, что бабушке приходилось только радоваться на нее. В девять лет Аня вместе с мальчишками лазала по деревьям за птичьими гнездами, не задумываясь, перепрыгивала через рвы и перелезала через заборы, помогала пастухам загонять домой коров и коз, ловко работала большими граблями и смело правила лошадью, стоя в пустой телеге или сидя на верхушке огромного воза сена. По наружности она очень мало чем отличалась от крестьянских девочек, разве тем, что благодаря заботам бабушки и няни, была поздоровее да почище их. Попытка Анны Федоровны одевать ее, как барышню, совершенно не удалась: она рвала в клочки свои кисейные платица, изнашивала в неделю пару прюнелевых ботинок, портила шляпки, употребляя их то вместо корзинки, то вместо посуды для черпания воды.

– И зачем ты, бабушка, шьешь мне эти гадкие платья! – чуть не со слезами на глазах говорила девочка, примеривая хорошенький костюм, сшитый для нее Анной Федоровной. – Так в них тесно и неловко! Я, знаешь, лучше поменяюсь со Стешей: у нее болит ножка, она все равно сидит дома, я отдам ей это платье, а себе возьму ее сарафан – в нем лучше.

И, несмотря на возражения бабушки, мена совершалась: больная Стеша сидела у окна своей избы в нарядном костюме, а Аня, вполне довольная своей выдумкой, бегала по деревне в заплатанном сарафане.

Бабушка и няня добродушно смеялись над проказницей; хорошенький костюм прятался в сундук, а вместо него Ане шили простые сарафаны; ей позволяли бегать без шляпки и зонтика и даже в теплые дни снимать чулки и ботинки.

– Пусть себе резвится, только бы была здорова! – говорила няня, с любовью следя глазами за своей питомицей.

– А что, Матрена, – озабоченно спрашивала бабушка, – ведь ей далеко до покойницы Сашечки: та в ее годы была такая красавица, загляденье!

– А, полноте, сударыня, – сердилась Матрена, – красавица! Да чем наша Анюточка не хороша? Полненькая, красненькая! Какой вам еще красоты нужно; известно, ребенок, вырастет, и она будет загляденье!

Навряд ли кто-нибудь, посмотрев на девятилетнюю Аню, согласился бы с мнением Матрены. Еще зимою, когда загар и веснушки несколько сходили с лица ее, она становилась красивее, но летом трудно было назвать хорошеньким это толстенькое, краснощекое личико, смуглое от загара, вечно исцарапанное или кошками, или ветвями деревьев. Впрочем, Аня нисколько и не заботилась о своей наружности; едва ли ей когда-нибудь приходил в голову вопрос о красоте; только бы ей не мешали играть и бегать, а то не все ли равно – хороша она или нет? На другой, более важный вопрос: счастлива ли она – девочка также не сумела бы ответить.

– Как – счастлива ли? Не знаю! – сказала бы она, с недоумением вытаращив свои синие глазки, и, не привыкнув задумываться над трудными вопросами, тотчас занялась бы чем-нибудь другим.

А между тем она действительно была счастлива. Все лето было для нее одним длинным, веселым праздником. Почти каждый день приносил ей какое-нибудь новое удовольствие: то затевались шумные игры на улице, то отдаленные прогулки с деревенскими друзьями, то собирание ягод, грибов, орехов; то она помогала сгребать сено на громадном лугу, где конца не видно было копнам, и засыпала на душистой траве; то открывала в чаще гнездо с какими-нибудь удивительно красивыми яичками, которые показывались только любимым подругам; то она набирала целые пучки полевых цветов и плела из них самые разнообразные венки; то она работала в своем собственном садике, устроенном для нее няней под окнами домика; то кормила кур и уток, клевавших зерна из ее передника; то приручала белочку или ежа; то бегала смотреть, как доят коров и бьют масло; то упрасивала какого-нибудь мужика взять ее с собой на мельницу и восхищалась плеском воды у плотины, шумом мельничных колес, видом белой, мягкой муки. Все окружающее доставляло ей удовольствие. Ей весело было встать очень-очень рано утром, пока бабинька еще спала, неслышными шагами, в одной рубашончке выйти из комнаты, взобраться на чердак и, просунув голову в слуховое окно, любоваться на утреннюю зарю и на первые лучи восходящего солнца; ей весело было в полуденный жар купаться и плескаться в речке или войти в лесную чащу, где все было так тихо и прохладно, где со всех сторон неслись такие чудные запахи. Ей весело было и играть с другими детьми, и тихонько идти одной среди полей, на которых волновалась спелая, высокая рожь, и сидеть на берегу речки, любясь, как солнце серебрит одну струйку за другой. Ей не приходилось страдать ни от несправедливости старших, ни от ссор с детьми. Бабушка и няня души в ней не чаяли; прежде чем за что-нибудь, побранить ее, они долго совещались, как бы не слишком огорчить девочку, и всякий выговор их превращался в ласку. Подруги и товарищи любили Аню за ее веселость и смелость, за ее добрый, уступчивый нрав, за ее готовность всякому помочь, со всяким вместе и поплакать, вместе и посмеяться. Без ссор дело, конечно, не обходилось, но это были маленькие ссоры, начинавшиеся из-за пустяков, очень скоро кончавшиеся и не оставлявшие по себе никакого неприятного чувства.

Зимой в деревне было, конечно, не так весело, как летом. Но во-первых, игры на улице прекращались только в самые холодные, ненастные дни; во-вторых, бабушка всегда позволяла девочке приглашать к себе сколько она хотела гостей, и Аня с помощью тряпичных кукол, деревянных чашечек, столов и стульев, придумывала разные замысловатые игры, за которыми ни она, ни подруги ее не замечали, как летело время. А зимние вечера! Как любила их девочка! В эти вечера бабушка часто надевала очки и, придвинув к себе поближе две свечи, читала что-

нибудь из больших книг, хранившихся в ее сундуке. Читала она или жития святых, или какое-то длинное, бесконечное путешествие. Аня сидела на маленькой скамеечке, прислонившись головкой к ее ногам, и слушала. Она мало понимала читаемое, но ей приятно было прислушиваться к тихому голосу старушки; из нескольких понятных ей слов и фраз она составляла свои собственные истории и обдумывала их, занималась ими, пока не засыпала, убаюканная тишиной и мерным чтением бабушки. Когда Анна Федоровна не бралась за книгу.

Аня влезала на лежанку, где каждый вечер сидела няня с чулком в руке, – и тут она опять слушала, но слушала рассказы вполне для себя понятные. Матрена видала много людей на своем веку, память у нее была отличная, и она всегда находила что порассказать из своей жизни или из жизни своих знакомых.

Девочка часто прерывала ее разными вопросами, и она ни один из них не оставляла без ответа. Ответы эти показались бы очень неудовлетворительными детям, учащимся в школах, привыкшим размышлять об окружающем их; но Аня была довольна ими. Она вполне верила, что отец Матрены свалился с лошади и сломал ногу оттого, что, когда он выезжал из деревни, заяц перебежал ему дорогу; что Матрена была долго больна оттого, что ее сглазила завистливая подруга; что никакого дела нельзя начинать в понедельник; что тот, кому не хочется заводить в доме ссор, не должен просыпать соль и тому подобное.

Аня очень любила и объяснения, и рассказы эти, но ей еще больше нравились сказки старухи Панкратьевны, жившей с кучею внучат на самом краю деревни, и пастуха Антона. Няня рассказывала про настоящих людей; конечно, интересно было узнавать, как они жили, чем зарабатывали себе пропитание, отчего делались счастливыми или несчастными, но в ее историях не было ничего особенно удивительного.

То ли дело сказки Антона или особенно Панкратьевны! Дети собирались толпой в ее избушку и, обступив ее со всех сторон, тесно прижавшись друг к другу, с жадностью слушали ее. Панкратьевна была длинная, сухая, седая, безобразная старуха, и самый вид ее придавал еще больше ужаса тем сценам, которые она описывала. Костлявые пальцы ее сжимались – точно когти Бабы Яги, глаза ее разгорались и дико сверкали из-под седых бровей; она то понижала голос до хриплого шепота, от которого мурашки пробегали по телу, то вдруг громко вскрикивала и заставляла вздрагивать своих слушателей. Дети дрожали, слушая ее, и после вечера, проведенного с нею, не только ни одна девочка, но даже ни один мальчик не решался возвращаться домой в одиночку. Аню всегда провожала Матрена, и девочка робко жалась к няне, пугаясь тени кустов, освещенных луною; добравшись до своей кровати, она зарывалась с головой в подушки и ночью часто просыпалась от тревожных снов. Несмотря на этот страх, внушаемый рассказами Панкратьевны, Аня сильно любила их и горько плакала, если бабушка не соглашалась отпустить ее к старухе. А между тем, вероятно благодаря этим рассказам, Аня, как и большая часть ее подруг, боялась множества вовсе не страшных вещей.

Она ни за что не решилась бы пройти ночью по деревенскому кладбищу; она боялась войти в большие запустелые комнаты «господского дома», как она, по примеру деревенских детей, называла старый помещичий дом своего отца. Она была смела и находчива перед всякой действительной опасностью, но беспрестанно боялась появления чего-нибудь сверхъестественного какого-нибудь лешего, домового, живого мертвеца и тому подобное.

Не одни только сказки и рассказы занимали осенние и зимние вечера. Дети очень часто сходились в чьей-нибудь избе, пели песни, затевали игры, шумели и возились. На рождество они придумывали себе самые разнообразные костюмы и ходили друг к другу наряженные; на масляной у них в деревне всегда возвышалась большая снежная гора, и маленькие салазки целый день скользили по ней, и вокруг нее раздавался неумолкаемый говор и смех как детей, так и больших.

Среди всех этих удовольствий время быстро несло для Ани, и она очень удивилась и даже огорчилась, когда в один августовский день бабушка объяснила ей, что она прожила на свете уже целых десять лет, что большая часть ее детства прошла.

Глава III

Мы оставили Анну Федоровну за чтением письма, сильно огорчившего ее. Уже много лет привыкла старушка делить все горести и радости со своим неизменно-верным другом – Матреною. Так и теперь, несколько оправившись от поразившего ее удара, она, не выпуская из рук письма, нетвердыми шагами вышла из комнаты, перешла небольшие сени, разделявшие домик на две равные половины, и очутилась в просторной кухне, где Матрена что-то хлопотала около печи.

– Беда, Матренушка, над нами стряслась! – проговорила она упавшим голосом.

– Беда? Полноте, сударыня, Христос с вами! Анюточка здорова – какая там беда? – с некоторой досадой спросила Матрена.

– Здорова-то она, голубушка, здорова, – с тяжелым вздохом отвечала Анна Федоровна, – да недолго нам с тобой на нее радоваться.

– Что такое? Что вы говорите?! – испугалась Матрена, подходя к старушке, в изнеможении опустившейся на стул.

– То и говорю, что есть, – отвечала Анна Федоровна. – Мы с тобой нянчили, холили ребенка, думали, старые дуры, что и век с ним не расстанемся, что он наш: дуры и вышли.

Матрена посмотрела на свою барыню тревожными глазами, как бы сомневаясь в ее здравом уме.

– Да что это, сударыня, я вас просто и в толк не возьму! – сказала она. – Как же нам было не считать Анюточку своею, ведь мы же за ней чуть не с самого ее рождения ходили; ведь сами же вы говорили, что, не будь вас, она и месяца не прожила бы; да ведь и дочка-то она чья? Нашей же Сашечки!

– Она дочь Матвея Ильича Миртова, Матрена; мы с тобой это часто забывали, а он вспомнил; вон он благодарит меня за все, что я сделала для нее, а потом пишет: «...от одной из наших соседок, бывших здесь прошлой зимой, я слышал много рассказов об Анне. Мне очень приятно, что она вполне здорова, но она достигла теперь такого возраста, когда одного физического здоровья мало, когда должно позаботиться об умственном воспитании ребенка. К сожалению, я не могу взять этого на себя, так как множество разнообразных дел заставляет меня беспрестанно перемещать место жительства, но брат мой, живущий постоянно в Петербурге, соглашается принять Анну к себе, а жена его берется заменить ей мать и воспитывать ее наравне со своими детьми». Ну, там разные фразы насчет благодарности и насчет того, что я, вероятно, понимаю, как полезна будет для девочки такая перемена судьбы, а в конце: «Я счел своим долгом заранее предупредить вас о моих намерениях насчет ребенка. В первых числах октября я пришлю женщину, с которой прошу вас отправить ко мне девочку».

– Господи ты, боже мой! Злодей какой! – вскричала Матрена, едва дослушав последние слова. – Да неужели же он и вправду смеет отнять у нас Аничку! Ведь она же вам не чужая – внучка родная.

– А ему она дочь, Матрена. Против воли отца нельзя идти. Конечно, если бы он мог кого-нибудь так любить, как я ее люблю, если бы он понимал, как она мне дорога, он не сделал бы этого! Давать воспитание! Я сама знаю, что я женщина простая, необразованная, что я ничему не могу научить ребенка, так разве бы он не мог прислать сюда из Петербурга гувернантку, которая бы занималась с ней! Да если бы он этого желал, я сама переехала бы в Петербург; учили бы ее там умные люди, а я бы берегла ее, мою голубушку, да... – Старушка не могла договорить, слезы брызнули из глаз ее, она припала головой к столу и зарыдала.

Всю эту ночь провели обе бедные женщины без сна. К утру они решили, что Анна Федоровна напишет к Матвею Ильичу, предложит ему переехать вместе с Аней в Петербург; если же он на это не согласится – попросит его еще хоть на один год отсрочить ужасную для нее

разлуку. Это решение несколько успокоило старушек: они надеялись, что Матвей Ильич тронется письмом тещи, и положили до получения ответа от него ни слова не говорить Ане о предстоящей ей перемене жизни.

Через две недели получен был ответ. Матвей Ильич в весьма мягких и деликатных, но вполне решительных выражениях объявлял, что намерен взять дочь от Анны Федоровны и поместить ее у своего брата, и просил снарядить девочку в дорогу в первых числах октября.

Мы не станем описывать того горя, какое принесло это письмо Анне Федоровне и Матрене. Как бы ни была сильна печаль человека молодого, полного здоровья и надежд на будущее, она не может сравниться с печалью старика, теряющего свою последнюю радость, свое последнее утешение в жизни.

Аня приняла решение о предстоящей ей перемене судьбы так, как приняло бы большинство детей ее лет. Она была удивлена, растерялась и как-то не знала – радоваться ей или печалиться. Когда бабушка или няня начинали говорить ей о предстоящей разлуке, она бросалась к ним на шею и, рыдая, уверяла, что не хочет уезжать от них, что никого никогда не будет любить так сильно, как их, что убежит от гадкого петербургского дяди и непременно вернется к ним назад. Когда подруги завидовали ей и рассуждали о том, как много разных удовольствий ожидает ее в большом городе, среди богатой семьи – глаза ее радостно блестели и ей казалось, что она в самом деле очень счастлива. Чаше же всего она вовсе не думала об отъезде.

Осень стояла теплая, сухая. В лесу уродилось множество орехов, и они занимали девочку гораздо больше предстоящего отъезда. За орехами поспела рябина – опять новое занятие, новая работа: когда тут думать о Петербурге!

Анна Федоровна и Матрена радовались беззаботности девочки. Они делали над собой усилия, чтобы не выказывать своего горя при ней, чтобы встречать ее с улыбкой, чтоб без слез слушать ее веселую болтовню.

– Чего понапрасну тревожить ребенка, – рассуждала Матрена, – пусть себе радуется да веселится, придет ее пора – и она узнает горе!

– Для нас-то, – говорила Анна Федоровна, – разлука с ней, конечно, горе, горе безысходное, а ее, кто знает, что ждет впереди: может, ей там и лучше будет. Она у нас здорова, счастлива, – это правда: зато образования мы ей никакого дать не можем, а там из нее выйдет умная, ученая барышня, не нам, глупым, чета!

И обе старушки, вздыхая и украдкой вытирая слезы, хлопотали о том, как бы снабдить свою любимицу всем необходимым в дорогу. Пока Аня бегала с товарищами по лесам и наполняла целые корзины орехами и рябиной – они шили ей дорожное платье, вязали тепленькие чулочки и перчаточки, приводили в порядок весь ее скудный гардероб и в этих заботах отчасти забывали грозящую беду.

Глава IV

В один ненастный октябрьский день в большой, роскошно меблированной столовой Ивана Ильича Миртова собралось к завтраку все его семейство. Жена его, Татьяна Алексеевна, довольно молодая и очень красивая дама, лениво наливала кофе из большого серебряного кофейника; по правую руку ее сидели две худенькие, стройные девочки лет двенадцати-тринадцати, одетые с самым безукоризненным изяществом; подле них помещалась француженка-гувернантка, очень живая, бойкая молодая особа, о чем-то горячо спорившая с мальчиком лет пятнадцати, сидевшим по левую руку матери и отвечавшим своей собеседнице полунасмешливым, небрежным тоном. Его гувернер, важный, солидный немец, видимо, не одобрял поведения своего воспитанника и бросал на него сердитые взоры; но мальчик не обращал на это ни малейшего внимания. На другом конце стола Иван Ильич прихлебывал кофе из большой фарфоровой чашки, углубившись в чтение газеты.

В передней раздался звонок.

– Довольно, Жорж, перестань, – остановила сына Татьяна Алексеевна, – верно, дядя приехал.

– И привез с собой маленькую дикарку; а, это интересно! Жорж повернулся к двери, и глаза всех присутствовавших обратились туда же.

Через несколько минут в комнату вошел Матвей Ильич, держа за руку Аню. Бедная малютка составляла странный контраст со всею обстановкою комнаты и со всеми лицами, сидевшими в ней. Длинное байковое платье, сшитое ей бабушкой, было очень тепло и удобно для дороги, но не отличалось ни малейшей красотой; волосы ее растрепались под теплой шапочкой, снятой ею в передней, и падали беспорядочными прядями на лоб и глаза ее; ноги ее, обутые в шерстяные чулки и войлочные валенки, казались непомерной величины, а рук ее не было видно из-под длинных рукавов платья.

– Ну, вот, честь имею представить вам мою дочь; прошу любить да жаловать! – произнес Матвей Ильич, подводя сконфуженную и сильно покрасневшую девочку к своей невестке.

Татьяна Алексеевна ласково, с оттенком сострадания поцеловала Аню; Иван Ильич покровительственно погладил ее по голове; гувернантка оглядела ее с ног до головы и с некоторым ужасом воскликнула: «Dieu, la pauvre enfant!» Девочки смотрели на приезжую, как на какого-то курьезного зверька. Жорж первый заговорил с ней.

– Позвольте мне представиться вам, – произнес он, отвешивая ей с комической важностью низкий поклон, – ваш кузен Жорж Миртов! Не угодно ли вам сесть подле меня, на этот стул, и покушать; я по опыту знаю, как приятно съесть после дороги кусок горячего мяса, и рекомендую вам заняться этим делом.

Аня поняла очень мало из речи своего кузена, но она видела, что он подставил ей стул, что он наложил ей на тарелку вкусного кушанья и приглашал ее утолить голод, и она почувствовала к нему признательность. Между взрослыми начался по поводу ее оживленный разговор на французском языке. Все сожалели о том дурном воспитании, какое получала до сих пор девочка, ужасались ее «невозможному» костюму, ее полному неумению держать себя. Аня, конечно, не понимала ни слова из этого разговора, не понимала даже, что речь идет о ней, и, проголодавшись с дороги, с самым неизящным аппетитом кушала все, что Жорж подкладывал ей на тарелку. Матвей Ильич упраскивал невестку и гувернантку заняться бедной малюткой и сделать ее «более похожей на ребенка», а Татьяна Алексеевна и француженка с жаром обещали ему приложить все старания к ее перевоспитанию.

Это перевоспитание началось тотчас после завтрака. Гувернантка увела Аню к себе в комнату и там занялась ее туалетом. С помощью небольшой перешивки одно из старых платьев кузин пришлось девочке впору; гувернантка усердно вымыла ей лицо, шею и руки душистым

мылом, подстригла, припомадила и туго перевязала ленточкой ее волосы, обула ее в новенькие прюнелевые сапожки и в таком виде, с некоторою гордостью, представила Татьяне Алексеевне.

– Ну вот, теперь на что-нибудь похожа, – заметила тетка, одобрительно осматривая девочку.

Может быть, Аня действительно была в это время на что-нибудь похожа, но, надобно сознаться, на что-нибудь весьма некрасивое. Голубое кашемировое платье выказывало гораздо резче деревенского сарафана грубость кожи девочки и красноту ее рук; зачесанные назад и крепко привязанные волосы придавали какое-то странное, неестественное выражение ее лицу, в глазах ее вместо оживления, каким они блистали в деревне, виднелось какое-то тяжкое недоумение; губы ее складывались в плачевную гримасу; туго затянутый лиф платья стеснял ее движения; она едва смела ступить в своих новых сапожках на высоких каблуках – ей все казалось, что она сейчас упадет.

– Тетя, можно мне теперь снять все это? – робким голосом спросила она, простояв несколько минут перед Татьяной Алексеевной и надеясь, что весь этот мучительный костюм надет на нее только на время, напоказ.

– Как снять, глупенькая! – удивилась Татьяна Алексеевна. – Что же ты наденешь? Неужели свои деревенские лохмотья? Нет, душечка, здесь у нас ты будешь всегда одета прилично. Поди теперь с мадемуазель в комнату твоих кузин и постарайся вести себя, как следует барышне.

В деревне Аня сердилась и топала ножкой, когда ее называли «барышней»; если ей предлагали сделать что-нибудь очень неприятное, она кричала: «Я не хочу» и убегала прочь; но здесь это было невозможно. Во-первых, новость и необычность обстановки сильно смущали ее: она не могла свободно говорить со всеми этими людьми, которые были так непохожи на людей, окружавших ее до сих пор; она как-то инстинктивно понимала, что ласковость в обращении этих людей не была полною любовью ласкою ее бабушки, что под этой ласковостью скрывалась настойчивость, против которой ей нельзя бороться. И она не пыталась бороться. Она спокойно последовала за гувернанткой в комнату своих двоюродных сестер, покорно подвергалась их насмешкам над ее некрасивою наружностью, покорно сложила руки, как учила гувернантка, и покорно просидела целый час на стуле, пока Варя и Лиза брали урок французского языка. Она чувствовала себя как будто под влиянием какого-то тяжелого, давящего сна, от которого она не имела сил освободиться. Иногда в голове ее мелькала мысль: «Это все сейчас пройдет, сейчас их никого не будет». Но все не проходили они, не исчезали, а, напротив, заставляли девочку и стоять, и сидеть, и ходить не так, как она привыкла и как ей было удобнее, а так, как им казалось лучше и приличнее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.